

МАРИНА ВЕТРОВА

БЕДНАЯ СТУДЕНКА.
ТЫ СДЕЛАЛ МЕНЯ
СВОЕЙ ПЛЕННИЦЕЙ!

Марина Ветрова

**Бедная студентка. Ты сделал
меня своей пленницей!**

«Автор»

2026

Ветрова М.

Бедная студентка. Ты сделал меня своей пленницей! /

М. Ветрова — «Автор», 2026

Я мечтала выиграть музыкальный конкурс и оплатить операцию бабушке. Но сын ректора решил, что моя жизнь принадлежит ему.— Теперь ты моя, Лера. И никто тебя не спасёт! Артур обвинил меня в краже партитур, лишил стипендии и запер в тёмном зале. Он хотел слышать, как я умоляю о пощаде. Только я не собираюсь становиться его игрушкой. Максим Дорн, единственный, кто протянул мне руку помощи, знает страшную тайну семьи ректора. Вместе мы нашли документы, способные разрушить их власть. Теперь мне нужно выйти на сцену и сыграть свою правду. Но успею ли я, прежде чем Артур уничтожит моё будущее навсегда?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Марина Ветрова

Бедная студентка. Ты сделал меня своей пленницей!

Глава 1

Левая рука опять подвела на переходе. Я вернулась на четыре такта назад и сыграла медленнее: так выходило, а стоило взять нужный темп — мимо. От бабушкиного Бёзендорфера сегодня хотелось невозможного: чтобы он играл вместе со мной и за меня. Впрочем, он свою часть делал честно. «Золотой ключ» ещё пустовал, никто не слышал моих ошибок; до ансамблевой репетиции оставался час. Я успею. Обязана успеть, если хочу привезти бабушке деньги, а не очередную грамоту в рамочке.

За спиной застучали каблуки. Я узнала этот торопливый стук и сбилась на последнем такте.

— Освободи место, провинциалка. Мне нужно проверить аккорды перед завтраком.

Ева Королькова встала вплотную к банкетке. На мою тетрадь легли ногти — длинные, с прозрачным блеском; одним она постукивала в такт, пока я держала последнюю ноту. Смотрела при этом в крышку рояля, на себя. На меня можно было и не смотреть: с дороги я обычно уходила сама.

— Репетиция начнётся через час, Ева. Это моя очередь. — На слове «моя» я запнулась и ужасно разозлилась на себя. — В расписании есть моя фамилия. Громов записал.

Ева усмехнулась. Она поглядела на часы, будто я уже отняла у неё лишнюю минуту.

— Твоя очередь? Милая, в этой академии очереди нет. Есть только те, кто платит за доступ, и те, кто молчит ради стипендии. А ты... ты просто шумная помеха.

Тетрадь соскользнула с пюпитра от её руки. Сначала упала обложка, потом высыпались вложенные листы — прямо под туфлю Евы. Она поймала каблуком титульный. «Лера Соболева. Концерт №2» — я выводила эту строчку медленнее нот, так хотелось, чтобы выглядело по-настоящему. Теперь на букве «Л» расплылась уличная грязь. Я смотрела на неё и ждала, что Ева хотя бы уберёт ногу.

— Ой, прости. Забылась.

У меня свело челюсть. Сдвинуть её туфлю, поднять лист — что тут сложного? Но я уже представляла, как она вскрикнет и весь курс услышит: Соболева напала. Соболева не умеет себя вести. Соболевой вообще повезло, что её приняли. Вцепилась в край банкетки, переживая первые, самые горячие секунды. За них можно наделать столько, что потом никакой конкурс не поможет.

Пришлось опуститься на колени и вытаскивать страницы из-под рояля. Кто-то остановился рядом, заслонив свет. Туфли были мужские. Я уже знала, чьи, ещё до того, как подняла голову: табачный запах Артура трудно было спутать с чужим.

Артур смотрел сверху. Свет падал ему в глаза, и они казались почти бесцветными; я видела в них себя с бумажкой в руке. На указательном пальце появилась кровь. Я сунула его в рот, а он чуть наклонил голову, следя за этим движением. Даже на порез ему было интересно посмотреть. Помочь собрать ноты — почему-то нет.

— Знаешь, Лера, — его шёпот был слышен только мне, почти теряясь за фальшивыми аккордами Евы. — Грязь смывается двумя способами. Кровью или слезами. Ты выбираешь второй вариант слишком часто. Это делает тебя предсказуемой. А предсказуемость — это слабость.

К его протянутой руке я сначала потянулась сама: вдруг поднимет? Ошиблась. Два пальца легли на шею, под челюсть; он задержал их там, пока я пыталась убрать голову. Пришлось замереть, чтобы не давить горлом на его руку. Пульс и без этого бил так, что никакого измерения не требовалось.

— Сердцебиение сто двадцать, — констатировал он с равнодушием хирурга. — Ты боишься не её. Ты боишься того, что можешь потерять. И это самое интересное.

Он убрал руку. Я сразу подтянула ворот рубашки, прикрыв место, которого касались его пальцы. Ева на рояле взяла ещё один аккорд, мимо обеих нужных нот, и хихикнула. Бабушка за такое велела бы начать с гаммы. Здесь замечание Еве обошлось бы дороже нового смычка.

К ансамблевой репетиции трещину на смычке уже было видно без света. В ансамбле мне доставалась вторая партия альты; я любила её за возможность слушать остальных, а не отвечать за весь зал одна. Ева, выходя, взяла смычок из раскрытого футляра и ударила о стойку микрофона. «Случайно», конечно. Теперь я держала его перед профессором Громовым и старалась не касаться трещины пальцем — от этого хотелось плакать ещё сильнее.

— Профессор, мне нужна замена, — начала я, чувствуя, как ком в горле становится невыносимым. — Смычок повреждён, звук будет искажён...

Громов даже не посмотрел на инструмент. Он смотрел поверх моей головы, на дверь, за которой исчезла Ева.

— Это проверка на прочность, Соболева. В жизни тебе никто не даст новый инструмент. Играй тем, что есть. Или не играй вовсе. Выбор за тобой. Но если ты сорвёшь репетицию команды из-за своей «несчастья», ты потеряешь место в элитной группе. Навсегда.

На авансцене я долго устраивала альт, чтобы скотч на смычке не попал в поле зрения. Как будто никто не увидит, если я отверну его к себе. Софиты слепили, и Артура в третьем ряду можно было различить только по светлой полосе рубашки. Сзади уже готовились вступать. Времени на ещё одну попытку попросить инструмент не осталось.

«До конца фразы. Сначала только до конца фразы».

Первую фразу я прошла. Скотч держался; звук возле трещины чуть сипел, но не срывался. На следующем вступлении рискнула взять смычком длиннее. Артур склонился к блокну. Хотелось заглянуть, что он пишет, — и именно тогда я чуть не пропустила свою ноту. Снова устала в партитуру.

Дверь скрипнула во время общей паузы. Я сперва подумала, что скрипит мой смычок, и посмотрела на скотч. Потом по залу разнёсся стук каблучков.

Ева шла к сцене с папкой, которую я узнала по завязкам. Весь последний понедельник нам повторяли про пропавшую «Le Jardin Secret»: ни копировать, ни выносить, ни даже брать без архивариуса. А Ева держала её перед собой и никому ничего не объясняла. Возле первого ряда остановилась, чтобы её успели заметить.

Вчера в перерыве Ева возилась возле моей сумки. Тогда я решила, что она ищет свою зарядку, и не проверила вещи. Теперь, увидев папку, вспомнила её руку у молнии. Но самого момента, когда она что-то положила внутрь, я не видела.

— Стоп! — крик Евы ударил по барабанным перепонкам. Оркестр замер. Я остановилась, смычок завис над струнами.

— Ректор! Простите за вторжение, — Ева подошла ко мне вплотную, игнорируя профессора. — У нас проблема. Исчезла партитура «Le Jardin Secret». И знаете, где я её нашла?

На первом листе был почерк, похожий на мой, — достаточно похожий, чтобы издали не отличить. Но я никогда не ставила такие огромные головки нот. И эта бумага! В архиве листы ломкие, с чуть жёлтым краем; здесь лежали свежие, белые. Ева переворачивала их быстро. Я попыталась поймать её за руку, задержать хотя бы один для Громова.

— Лера Соболева призналась, что украла оригинал, чтобы продать частному коллекционеру из Москвы, — продолжила Ева, обращаясь к залу, хотя там были только студенты и

охрана. — Она хотела купить операцию бабушке. Благородная мотивация, не правда ли? Но кража остаётся кражей.

Про операцию она говорила залу, как будто это её история. Мне стало стыдно за бабушку — ни за что, просто так, от чужой улыбки. Я набрала воздуха, чтобы перебить, и не сумела сразу выговорить первые два слова. Ева прекрасно видела это и говорила дальше, громче.

— Это ложь, — прошептала я. Ева продолжала говорить, и с третьего ряда меня уже не могли расслышать.

Ректор вышел из боковой двери, когда Ева закончила. Она сразу уступила ему место возле меня. Я пыталась повернуть её папку, стараясь показать белые листы, но он глядел поверх неё на Еву. Та кивнула. Они даже не стали изображать, что собираются разбираться: я поняла это по тому, как ректор уже искал взглядом охрану.

— Выпроводить нарушителя этикета и интеллектуальной собственности, — сухо сказал ректор. — И лишить стипендии. Немедленно.

Один охранник подошёл сзади, второй — сбоку, перекрыв проход к Громову. Я снова потянулась к папке, и он отстранил мою руку предплечьем. На меня при этом смотрел скучающе; наверное, хотел закончить быстрее и вернуться к двери.

— Нет! Подождите! Посмотрите на почерк! Посмотрите на чернила! — я попыталась оттолкнуть одного из них, но меня схватили за плечи. Грубо. Жёстко.

В проходе я ухватила за дверную ручку. Пока держалась, думала только: ещё секунду, сейчас кто-нибудь спросит, почему её уводят. Охранник разжал мои пальцы один за другим. Ноготь зацепился за металл, я вскрикнула. Он вытолкнул меня в коридор, и последним, что я увидела в щели, была Ева возле моего пюпитра.

Плакать я начала уже за дверью. Всхлипы слышались слишком громко; прикрыла рот ладонью и отошла за поворот, чтобы даже этого им не досталось. Потом ещё долго стояла там, вытирая лицо уже мокрым рукавом.

Глава 2

Пока я ходила по городу, стемнело. Дождь то прекращался, то начинал заново, и я всякий раз думала: сейчас дойду до общежития. Не доходила. Надо было сначала успокоиться, придумать, что сказать бабушке. Но телефон разрядился ещё в зале, а слова всё равно не складывались. В кармане оставался ключ от комнаты. Хотя бы туда можно вернуться.

У своей двери я попробовала повернуть ключ дважды. Потом вытащила его и проверила номер на бирке, словно за день могла забыть собственную комнату. Номер был правильный. Скважина — другая, блестящая, без знакомой царапины снизу. Я приложила к ней ключ ещё раз, уже понимая, что зря.

Кто-то сменил личинку.

У Маши работал телевизор. Постучала, назвала себя; за дверью сразу стало тише. Потом звук вернулся. Я стояла у её порога, считая до десяти, чтобы не стучать бесконечно, и всё-таки постучала ещё. Маша знала мой голос. Именно поэтому, наверное, и не открывала.

Села у стены, поджав мокрые ноги. Плитка холодила даже сквозь одежду. В своей комнате я сейчас поставила бы чайник, скинула куртку на батарею и лежала бы, пока перестанут гудеть ступни. В голове всплывала каждая мелочь: сколотый край кружки, подушка, которую пора взбить. Они были в двух шагах от меня. За чужим замком.

Дверь открылась бесшумно.

Я подняла голову. На пороге стоял Артур. Он был в той же куртке, что и днём. В руках он держал сигарету, которую только что закурил.

— Ты ищешь дом, Лера? — спросил он мягко. Слишком мягко для человека, который только что уничтожил твою жизнь.

— Что тебе нужно? — мой голос был хриплым от холода и слёз.

Артур улыбнулся и ждал ответа. Я смотрела на тлеющую сигарету, не на него: если ещё немного помолчать, может быть, он решит, что со мной скучно. Не решил.

— Теперь ты принадлежишь мне. Потому что больше у тебя ничего нет. Ни дома. Ни статуса. Ни надежды. Только я.

Я отодвинулась, но дальше была стена. Он взял меня за подбородок, не сильно — ровно настолько, чтобы не получилось опустить лицо. Старалась смотреть на пуговицу его куртки. Артур повернул голову чуть ниже, поймал мой взгляд и только после этого договорил.

— Пойдём. Тебе нужно место, где можно переждать бурю.

Я встала, опираясь о стену, и пошла за ним. Не соглашалась ни с чем, не благодарила — просто шла, потому что он обещал крытую дверь, а я уже не чувствовала пальцев ног. У выхода на улицу оглянулась на лестницу общежития. Артур не дал задержаться. Мы повернули к консерватории, и я поняла, куда он ведёт, слишком поздно, чтобы снова просить Машу открыть.

Боковая дверь подалась под его рукой. В большом зале без света всё было знакомое и всё мешало идти: тот же проход между креслами, край сцены, банкетка возле рояля. Ещё утром я хотела остаться здесь подольше. Теперь считала двери и пыталась разглядеть, какая из них выходит в коридор.

— Зачем ты привёл меня сюда? — спросила я, оглядываясь. Эхо возвращало мой голос изменённым, искажённым.

— Чтобы ты поняла, что такое одиночество, — ответил Артур. Он щёлкнул выключателем, но свет не включился. Вместо этого он достал зажигалку. Маленькое пламя вспыхнуло в его ладони, освещая его профиль резкими тенями.

Он бросил свою куртку на стул рядом со мной. И тогда я увидела.

Фотография выскользнула из кармана куртки и упала лицом вверх. Я подняла её, решив вернуть, и замерла. На снимке была я, маленькая, в кружевном воротнике. Такой воротник

потом всё время натирал шею, бабушка подшивала его мягкой лентой. Перевернула карточку. «Будущая жертва. Дата старта: 15.09.2018» — синими чернилами, без подписи.

На снимке была я — ещё до академии, до знакомства с ним. Откуда у Артура эта фотография? Я перечитала дату и прижала снимок к груди, закрывая надпись. Спросить хотелось сразу обо всём, но он уже тянулся отнять его.

— Ты... — Больше ничего не получилось. Я держала карточку двумя руками и боялась отпустить: заберёт, скажет, что мне померещилось. Артур уже подался ближе, но я отнесла руки за спину.

Артур сделал шаг ближе. Пламя зажигалки дрогнуло.

— Ты даже не представляешь, Лера, какой красивый звук издаёт твоя гордость, когда ломается, — прошептал он, и его губы почти коснулись моего уха.

Дверь позади хлопнула так, что я уронила карточку. Потянулась поднять, замерла: в замке повернулся ключ. Артур не обернулся на звук, только прикрыл огонёк ладонью.

Щелчок замка.

Мы были заперты.

Пока Артур возился у служебной двери, я снова вспоминала Еву за кулисами. Она поймала меня ещё до репетиции, с моей тетрадью в руках. Помню, как прижалась спиной к кирпичу: он царапал через рубашку, а отступать было некуда. Тогда мне казалось, что хуже всего — не получить тетрадь обратно. Сейчас, в запертом зале, я отдала бы все ноты за возможность выйти.

Я опять вижу её перед собой, как будто никуда не ушла.

— Грязь нужно смывать, Лера. — Ева листает тетрадь, прижимая большим пальцем каждую страницу. На одной загибает уголок; я слежу за ногтем и едва удерживаюсь, чтобы не выхватить. — Знаешь, я узнала про твою бабушку. Долги за коммунальные услуги? В двадцать первом веке это так... старомодно. И жалко. Если ректор узнает, что ты продаешь свои работы ради копеек, твоя стипендия сгорит быстрее, чем ты успеешь моргнуть.

Я прячу ладони за спину, чтобы не схватить её. Про долги знают только дома. Может, она врёт — как обычно, бросает первое, что пришло в голову. Спросить страшно: поймёт, что попала. А мне нужно ещё получить эту тетрадь, выйти на репетицию и не попасть к декану раньше конкурса. Я стою и жду, пока она насмотрится на мои страницы.

Ева подступает ближе и опускает тетрадь к своему бедру. На половину секунды кажется, что сейчас отдаст. Я протягиваю руку; она смеётся и убирает её за спину.

— Ты думаешь, тишина спасет тебя? — Артур подходит слева. Еве приходится подвигаться: он задевает её плечом, даже не извинившись. Я почти успеваю обрадоваться, но он смотрит на мою сумку, и радоваться уже нечему. — Где тетрадь, Лера? Верни её немедленно. Или я найду её у тебя в кармане прямо сейчас, на глазах у ректора, который уже спускается по лестнице.

— Я ничего не брала! — шепчу я, и мой голос звучит жалко, даже для собственных ушей. — Это было твоё соло, Артур, ты сам оставил его на рояле...

Он прикладывает палец к моим губам на середине слова. Я замолкаю, чтобы убрать его руку, но он всё ещё держит.

— Тс-с.

Когда он убирает палец, я зажимаю губы. Не хочу дать ему ещё одну возможность остановить меня вот так.

— Есть сделка, — говорит он быстро, будто ему скучно ждать. — Завтра на прослушивании ты сыграешь моё новое соло. Вместо меня. Ты возьмешь на себя ответственность за каждый фальшивый звук. За каждую ошибку. Если ты справишься — тетрадь останется у тебя, а история о краже затухнет. Если нет... ну, ты знаешь, что будет.

Он предлагает сыграть за него, а отвечать за всё велит мне. Я перебираю в памяти его соло: неудобные скачки, нарочно вывернутый ритм. На прослушивании я должна была показать свою работу. Теперь могу оказаться у рояля с чужой, и все решат, что именно так я слышу музыку. Артур ждёт. Спокойно, не подсказывает мне слова отказа, хотя отлично видит, как я ищу их.

— Хорошо. — Я произношу это так тихо, что ему приходится наклониться. Неужели сказала? Хочется сразу добавить условия, потребовать свою тетрадь сейчас, но Артур уже выпрямляется: ответ получил, остальное ему неинтересно.

В общежитии я застаю у зеркала. Нужно застегнуть куртку, убрать волосы от лица — простые вещи, с которыми справилась бы и не глядя. Сейчас не попадаю пуговицей в петлю. С третьего раза злюсь и тяну ткань так, что едва не отрываю её. В отражении выгляжу так, словно бежала всю дорогу. Я и бежала, только внутри всё ещё продолжаю.

— Дай помогу.

Максим стоит у подоконника с двумя кружками. Обе горячие: он берёт их только за ручки и осторожно переставляет, освобождая место. До меня долетает мята. От этого нормального, домашнего запаха хочется сесть рядом и попросить, чтобы больше никто со мной сегодня не разговаривал.

Я инстинктивно отшатываюсь, прижимаясь спиной к стене. Я смотрю на обе кружки: одну он приготовил заранее для меня. Откуда знал, что я приду? После Евы даже этот вопрос пугает. Не решаюсь приблизиться.

Он замечает, что я отступаю, и не приближается. Одну кружку ставит на подоконник ближе ко мне, вторую оставляет себе. Теперь я могу дотянуться до своей, не касаясь его руки. Почему-то именно это мешает сразу сказать: «Не надо».

— Чай горячий, — говорит он мягко, не настаивая. — Выпей, когда будешь готова.

Максим уходит к лестнице. Я провожаю его взглядом, пока он не исчезает за поворотом, потом осторожно беру кружку. Она обжигает пальцы. Можно пить и не объяснять ничего — он даже не дождался спасибо. Я всё равно гляжу на дверь, через которую он ушёл: боюсь, что вернётся с Артуром.

Глава 3

Но это было раньше, в общежитии. Сейчас передо мной снова дверь зала, куда привёл Артур. Я заставляю себя подняться и проверить замок.

Пытаюсь вставить ключ от комнаты в скважину служебной двери. Он даже не входит. До нелепости обидно: я всё ещё держу его в руке, как будто он способен открыть хоть что-нибудь.

Толкаю дверь плечом. Створка отходит на толщину замочной щели и упирается в засов. Свет из коридора виден под порогом; я опускаюсь туда, чтобы кто-нибудь услышал меня снаружи.

Сначала стучу кулаком. Больно, но терплю: вдруг за дверью просто не слышат? Потом ладонью, громче, и ногой у самого замка. Звук расходится по залу, возвращается мне же. Приходится останавливаться, чтобы расслышать чужие шаги. Никаких шагов нет.

— Помогите! Пожалуйста! Кто-нибудь!

Отхожу от двери, держась за стену. В темноте очень легко снова врезаться в ручку, в тот самый угол, которого коснулась уже дважды. Когда перестаю стучать, собственное дыхание кажется чужим — кто-то рядом торопливо втягивает воздух. Это я. Пытаюсь дышать тише, но не получается.

В динамике над дверью шуршит. Я поднимаю голову: сейчас охранник скажет, что выпускать не велено, или потребует назвать фамилию. Но слышу Артура. Звучит совсем близко, будто он снова стоит за спиной.

— Час ожидания равен одному баллу снижения рейтинга, Лера. Твой текущий рейтинг: минус пятьдесят. Минус сто. Минус двести.

Я считаю вместе с ним, хотя понимаю: какие баллы, какой рейтинг? Он выдумывает цифры прямо сейчас. Всё равно на «минус двести» сжимаюсь, как на настоящем объявлении оценки. Меня учили так долго бояться плохой отметки, что он может держать здесь просто голосом из динамика.

— Выпусти меня! — ору я в сторону динамика, срывая голос на истерику. — Это незаконно! Я требую адвоката!

— Тише, детка, — шепчет он сквозь помехи. — Ты разрушаешь акустику.

Замок наконец щёлкает. Я перестаю дышать, чтобы не пропустить следующее движение: дверь и правда открывается.

В проёме стоит Артур. Пока я собираюсь к двери, он входит и закрывает её своей спиной. Ключ поворачивает медленно, не глядя на руку. Я слежу за ним до самого щелчка. Может, оставит в скважине? Нет, прячет в карман.

Я забила в угол дивана за кулисами. Артур садится рядом, и подушка под ним проседает: меня тянет в его сторону, приходится упираться пятками в край. Свет он не включает. Я стараюсь различить, где его руки, а он всё время смотрит мне в лицо. От этого хочется закрыться, но тогда я совсем не увижу, что он собирается сделать.

— Я не хотел тебя напугать, — говорит он тихо, и эти слова причиняют больше боли, чем любые угрозы. — Я хотел увидеть, как ты ломаешься красиво.

Меня трясет. Холодный пот стекает по спине. Он не спрашивает, где ноты, не ищет их в сумке — следит за моим лицом. Я подтягиваю колени ещё выше, чтобы он не увидел дрожи. Это только сильнее его веселит.

Он достаёт платок. Белый, сложенный, даже в темноте его видно. Прежде чем я успеваю отвернуться, промокает мне щёку. Я дёргаюсь; он удерживает платок на том же месте ещё секунду. Потом аккуратно складывает обратно. Мне хочется вытереть лицо рукавом, но он сидит слишком близко.

— Завтра ты сыграешь моё соло, — шепчет он, наклоняясь так близко, что я чувствую запах его одеколона и табака. — И если ошибешься хоть в одной ноте... я расскажу всем, почему твоя бабушка действительно нуждается в операции. А не в музыке.

Свет в коридоре меркнет. Артур встаёт и кивает в сторону сцены.

— Там продолжим.

Я выскальзываю с дивана и бросаюсь к парадным дверям: если служебная заперта, вдруг хоть эта откроется?

До парадных дверей я добралась почти бегом. Из закулисья за мной вышел Артур — не спешил, но я слышала каждый шаг. Створка между сценой и проходом хлопнула. Возле наружной двери пахло ржавой фурнитурой, и ручка оставляла на ладони рыжий след. Я потянула её, ещё надеясь, что заперт только служебный выход.

Ручка двигалась, дверь — нет. Я навалилась всем весом и чуть не упала, когда металл выскользнул из вспотевшей ладони. — Помогите! Ударила по двери кулаком. Снаружи кто-то мог идти мимо и принять этот звук за репетицию; я ударила ещё раз, уже вместе с криком.

Телефон наконец включился —хватило на тусклый экран и надпись «Нет сети». Я подняла его над головой, словно лишние двадцать сантиметров могли что-то решить. В это время мигнула лампа. Я успела посмотреть на неё, потом снова на телефон: единственный свет теперь был у меня в руке.

В темноте задела коленом край кресла и ухватила за спинку. Телефон чуть не выпал; успела прижать его к груди. Света от него мало, но без него было бы ещё хуже. За правым плечом прошли. Я отодвинулась вдоль ряда — теперь кресла мешали и мне, и тому, кто шёл следом.

Фонарь засветил прямо в глаза. Прикрылась ладонью, но круг света так и остался передо мной, даже когда я повернула лицо. Артур стоял настолько близко, что задел мою куртку своей. Захотелось попросить: убери фонарь. Даже такой просьбы я ему давать не хотела.

— Ты лжёшь даже молча, Лера, — его голос был ровным, без ноток гнева. Просто констатация факта, как будто он читал температуру тела термометром. — У меня нет украденных нот! — выпалила я, чувствуя, как трудно выговорить «нет» пересохшим горлом. — Это абсурд. Проверьте мои карманы, сумку!

Артур не ответил. Он обошёл меня с фонарём. Пока луч не падал на лицо, я пыталась разглядеть дверь за его плечом. Потом он остановился напротив моего Бёзендорфера. На крышке инструмента лежал бархатный футляр моего смычка, сломанного Евой перед репетицией.

Он взял футляр двумя пальцами, за край, не раскрывая, и бросил его ко мне под ноги. Футляр распахнулся, и из него выпал мой стянутый скотчем смычок. — Знаешь, сколько стоит этот смычок? — спросил Артур. Его тень на стене казалась огромной, искаженной. — Не знаю. Мне всё равно. — Он куплен на деньги, украденные у твоей бабушки, — произнёс он так тихо, что пришлось наклониться, чтобы расслышать. — Ректор любит порядок. А ты... ты грязь, которая пытается притвориться водой.

Я открыла рот ответить и закашлялась. Какие деньги? Бабушка покупала мне струны, откладывая с пенсии; я помнила все эти конверты. Артур говорил про кражу так, будто видел её сам. От этого начинала сомневаться даже в том, что ещё минуту назад знала точно. Пришлось повторить себе: смычок мой, бабушка моя, Ева сломала. Всё.

Когда ноги перестали держать, отступила к роялю и ударила поясницей о край клавиатуры. Банкетка оказалась совсем рядом, можно было сесть. Я положила руки на колени и попыталась вдохнуть медленно, как перед длинной фразой. Получился всхлип. Пришлось пробовать снова, глядя в одну точку на полу.

«Бам!»

Звук был оглушительным. Артур ударил ладонью по клавиатуре, создав диссонансный, режущий уши аккорд. Басы загудели в животе, вибрируя в позвоночнике. Я вздрогнула всем

телом, чуть не соскользнув с места. — Музыка для тебя — святыня, да? — он усмехнулся, и в этой усмешке было столько презрения, что захотелось плюнуть ему в лицо. Но я лишь замерла, боясь лишний раз шевельнуться. — Для меня это инструмент. Как скальпель или кнут.

Он встал перед банкеткой так, что моим ногам некуда было деться. Я подтянула их ближе, чтобы не задевать его туфли. — Сядь нормально. От этого приказа сильнее захотелось встать, но проход он перекрывал.

Я поставила ступни на пол. Артур отошёл к дирижёрскому стулу и достал книгу. Он действительно собирался читать: нашёл закладку, разгладил страницу, устроился удобнее. Я смотрела на его колено, перекинутое на другое, и думала, что он ведь может выйти в любой момент. А мне приходится ждать, пока он дочитает.

— Мы будем здесь, пока ты не скажешь правду, — сказал он между страницами, не отрывая глаз от текста. — Или пока я не решу, что ты бесполезна. — Выпустите меня, — прошептала я. — Мне нужно в туалет. Мне нужна вода. — Твоя физиология не интересует систему, — он перевернул страницу. Шелест бумаги звучал как приговор. — Попробуй договориться. Может, напишешь заявление об уходе? Добровольное. Сохранит тебе лицо.

Лицо он предлагает сохранить. Интересно, перед кем? Перед ним, который только что не дал даже воды? Я вытерла нос тыльной стороной ладони, чтобы хоть выговорить ответ без всхлипа. — Я не уйду. Я не виновата.

Глава 4

Артур закрыл книгу. Резкое движение заставило меня напрячься. Он достал планшет, включил экран и повернул его ко мне. Свет заливал пространство между нами. На записи было видно, как Ева ударяет смычком о стойку микрофона. Но угол камеры был выбран так, что колонны перекрыли обзор части кадра. Я стояла рядом, моя рука была поднята, будто я помогала ей держать инструмент или толкала её. В замедленном режиме это выглядело как соучастие. — Юридически весомое доказательство внутри нашей системы, — заметил он. — Твой жест. Твой взгляд. Всё говорит о том, что ты была частью спектакля.

На видео была моя поднятая рука. Я тянулась отобрать смычок, а он говорил — помогала ломать. Отрезали начало, и вот уже получилось всё, что им нужно. Хотела потребовать показать раньше, на десять секунд раньше. Вспомнила, как ректор даже не взглянул на папку Евы, и оставила слова при себе. Артуру нравилось слушать просьбы, с доказательствами было сложнее.

Он добивался подписи. Если подпишу, откроет дверь — наверное. Я представляла, как выйду, умоюсь, найду зарядку; от этих простых вещей так хотелось согласиться, что пришлось сцепить руки. Но завтра лист останется. Потом его покажут в другом месте, куда я принесу ноты или заявление о работе. «Вы же сами признали». А эта ночь наконец кончится и без моей подписи, должна кончиться.

Отодвинула банкетку и заново села к клавиатуре, как на занятии. Это движение я умела даже сейчас, с дрожащими руками. Взяла ноктюрн Шопена, ми-бемоль мажор. Артур замолчал, и стало слышно, как слишком резко я отпускаю педаль. Исправила на следующей фразе. Нужно было следить за басом, за верхним голосом — и хотя бы на минуту перестать слушать его. Я играла до конца, без остановок, даже на месте, которое хотелось повторить.

Я сняла педаль и ждала, пока перестанут отзываться струны. Артур начал хлопать раньше. Нарочно медленно, с паузами: захотелось попросить, чтобы дал дослушать последние ноты. — Красиво, — протянул он, вставая. Он подходил ко мне, и я отодвигалась к краю банкетки. — Но твои пальцы дрожат, Лера. Ты боишься меня. А значит, ты уже проиграла.

Он смотрел на мои пальцы, а я убрала их с клавиатуры и стиснула под банкеткой. Всё равно дрожали. Артур тут же заметил, куда я их спрятала, и улыбнулся шире. Пьесу он уже не обсудил; ему нужна была эта дрожь, а музыка только заставила её подождать.

За дверью застучали тяжёлые шаги. Я поднялась так резко, что банкетка поехала назад. Охранник? Кто угодно, лишь бы не ещё один разговор с Артуром. — Здесь кто-то есть! Помогите! Побежала в проход, пока шаги не ушли дальше.

Дверь распахнулась. Но вместо Максима или полиции в щель света просочилась вахтерша, Марья Ивановна. Старуха с красными, опухшими глазами и запахом валерьянки. Она смотрела на Артура с подобострастным страхом, а на меня — как на мебель. — Артур Николаевич, — пропищала она, кланяясь. — Ваш отец просил передать, что завтра утром будет комиссия по этике. Готовьте материалы. Она не взглянула на меня. Для неё я уже была невидимкой. Исчезнувшей.

Дверь закрылась, отсекая свет коридора. Темнота снова сомкнулась вокруг нас. Марья Ивановна видела меня у запертой двери и всё равно ушла. Я замолчала на середине просьбы о воде. Если даже она считает это нормальным, кому здесь кричать? Артур убрал фонарь в сторону; пока луч не бил в глаза, я пыталась разглядеть второй выход.

Артур подошел вплотную. Я почувствовала тепло его тела, запах кожи и металла. Он схватил меня за подбородок, заставляя смотреть ему в глаза. Его пальцы были холодными, но хватка — железной. — Я могу сделать так, что тебя никогда не примут ни в один оркестр

страны, — прошептал он, снова приближаясь к моей щеке. — А могу... помочь тебе остаться. Если согласишься быть моей «музой».

Он отпустил мой подбородок, и я отшатнулась, споткнувшись о ножку рояля. — Не любовницей, — уточнил он, видя мое отвращение. — Музой. Твоей болью, которую я буду использовать для своей музыки.

Он называл музой девушку, которую не выпускал даже за водой. Я смотрела на его книгу, на аккуратную закладку: ещё минуту назад он спокойно читал, пока я просила открыть дверь. Для него эта ночь была занятием, которое можно прервать и продолжить завтра. Для меня — ночью, которую нужно пережить.

Мне пришлось удержаться, чтобы не схватиться за него и не начать просить снова. Ведь он только что предложил остаться. За место на курсе, за воду, за дверь — назвать себя его музой. Я смотрела на его лицо, пытаюсь понять, когда он шутит. Не шутил. — Нет. Произнесла сразу, пока не принялась объяснять ему, почему.

Артур усмехнулся. Он развернулся, взял свой фонарь и направился к служебному выходу, который вел из гримерок. — Подумай над моим предложением до утра, — бросил он через плечо. — И постарайся не плакать. Соль портит настроение.

Он забрал фонарь. Луч прошёл по креслам, задержался у служебной двери и исчез вместе с ним. Я стояла, дожидаясь, пока стихнут шаги. В замке повернулся ключ — теперь я хорошо отличала этот звук от скрипа створки. На ощупь добралась до выключателя, нажала два раза. Ничего. Пришлось идти обратно к двери и слушать, не остался ли кто-нибудь с той стороны.

У служебной двери я нашла замок пальцами, потом ручку, потом снова замок. На ладони налипла пыль; вытерла о рубашку, чтобы не скользила. За дверью ходил охранник. Он доходил до поворота и возвращался — я уже выучила эту паузу. Значит, живой человек всё-таки рядом. Только после Марьи Ивановны звать его почему-то было страшнее, чем искать выход самой.

Ручка не поддавалась и после того, как я обхватила её обеими руками. Опустилась на колени, проверила щель под дверью: пальцы проходили, ничего другого туда не просунуть. От голода кружилась голова, а у пола было ещё холоднее. Встала, держась за ручку. Если охранник сейчас вернётся, нужно постучать раньше, чем я опять передумаю.

Шаги удалились. Я ждала, пока он дойдёт до поворота, и вдруг услышала шорох за собой, в зале. Сначала решила, что куртка задела дверь. Но стояла неподвижно, а шорох повторился. Кто-то ещё был здесь и подошёл без фонаря.

Схватила металлическую подставку для нот. С тяжёлой ножкой неудобно замахиваться; перехватила её выше и встала боком, оставляя дверь за плечом. Пусть лучше рассмеются, что я собираюсь драться попиитром. Если снова Артур, хотя бы не успеет схватить меня сразу за лицо.

— Не надо, Лера. Это я.

Максим вышел из-за сцены. Я узнала голос раньше лица, но подставку всё равно не опустила. Он поднял руки, показывая, что в них: пакет, чёрная флешка. Свет аварийной лампы попадал на край пакета; оттуда торчала бумажная салфетка. От этого стало особенно обидно. Будничные вещи он принёс сюда, где я уже не надеялась ни на что будничное.

— Ты... ты здесь? — голос дрогнул. Я не опустила подставку. — Как ты попал внутрь?

— Через технический проход. Он не всегда закрыт на магнит, если знать, где лежит резервный ключ. Но сейчас важнее другое. — Максим сделал шаг ближе, его глаза блеснули в полумраке. — Ты голодна. И тебе нужно выбирать.

— Почему я должна тебе верить? — процедила я, чувствуя, как ненависть смешивается с облегчением. — Тебя послал Артур? Чтобы проверить, сломана ли я окончательно? Чтобы увидеть, как я буду умолять о куске хлеба?

Он остановился. Сначала положил на пол пакет, потом сел сам, скрестив ноги. Теперь, чтобы дотянуться до меня, ему пришлось бы встать, и я немного ослабила хватку на подставке.

Максим достал бутерброд. Сыр выглядывал из-под хлеба; я следила за этим кусочком так пристально, что он, конечно, всё понял.

— Если бы меня послал Артур, зачем мне было бы тащить сюда ужин? — сказал Максим, отрывая кусок хлеба. Он ел, не приближаясь. Я всё ещё держала подставку, и он поглядывал на её тяжёлую ножку. — Смотри, я ем то же самое. Можешь взять другой бутерброд. Или подождать, пока я отойду. Только подставку опусти: тяжёлая же.

Глава 5

На хлебе оставался ровный срез сыра. Я смотрела на него дольше, чем на Максима, и наконец решилась. Прислонила подставку к краю сцены, села рядом и взяла пакет, всё ещё поглядывая на Максима. Бутерброд был теплым от его тела. Первый укус показался мне самым вкусным, что я пробовала за последние сутки. Слезы подступили к глазам. Я уткнулась лицом в пакет, делая вид, что ищу салфетку.

— Теперь слушай, — понизил голос Максим, когда я закончила есть. — Технический проход уже закрыли — я слышал засов за спиной. Над гримёрками есть решётка в коридор техслужбы, но её просто так не снять. Нужно, чтобы дежурный техник открыл дверь изнутри. Есть способ его позвать.

Он кивнул на рояль, стоявший в центре сцены.

— Что? — я не поняла.

— Твои руки, Лера. Репетиционный микрофон здесь оставляют включённым, а в техкомнате стоит монитор. Три коротких, два длинных — так они проверяют связь, когда не хотят кричать через весь зал. Дежурный услышит и придёт к служебной двери. Попробуем попросить его выпустить нас.

— Это безумие, — прошептала я. — Если они услышат шум...

— Тогда нам нужно сделать это быстро и тихо. Иначе нас найдут раньше, чем мы выберемся.

У рояля я по привычке проверила, отодвинута ли банкетка. Даже сейчас могла это делать, не думая. Подняла крышку клавиатуры. Хотелось сыграть не условный стук, а целую пьесу, чтобы за стеной перестали делать вид, что здесь никого нет. Но Максим просил тихо. Я выбрала середину, подальше от громких басов.

— Какой ритм? — спросила я.

— Три коротких, два длинных, пауза. Повторить трижды. Максимум десять секунд.

Три коротких звука вышли почти одинаковыми. На втором длинном я слишком рано подняла палец и начала заново. Максим смотрел на дверь, не торопил. «Так-так-так. Та-та». В паузе я слушала техкомнату, как когда-то ждала вступления в ансамбле. Только сейчас от этого чужого вступления зависело, выпустят нас или нет.

Вдруг из соседнего зала репетиций донеслись шаги. Тяжелые, размеренные. Кто-то приближался к нашей двери.

— Черт, — выдохнул Максим.

Звук шагов становился громче. Ещё пять секунд до того, как дверь откроется. Ритм я уже закончила, но по ответным шагам невозможно было понять, кто идёт. Максим показал мне на место за роялем.

Он отвёл меня за рояль. Пришлось пригнуться, придерживая за плечи куртку, чтобы не задеть ногой банкетку. Сам Максим лёг на пол и натянул свою куртку на голову. Я сразу поняла: притворится, что спал здесь. Глупо, но лучше, чем если увидят нас вдвоём. Поджала ноги глубже и старалась не трогать его рукав.

Дверь скрипнула. Свет вспыхнул, ослепляя.

— Любопытно, — сказал Артур. Я сразу узнала его и подтянула ноги ближе к корпусу.

Артур остановился возле Максима. Из-за рояля мне были видны только туфли и край брюк. Одна туфля развернулась ко мне; я перестала смотреть даже на неё, уткнулась глазами в пол. Если он наклонится, увидит. Он пока стоял и ждал, пока Максим сам себя выдаст.

— Дорн. Всегда предпочитал спать там, где другие работают, — произнес он тише, обращаясь скорее к себе, чем к Максиму.

Он пошёл вокруг рояля. Я пыталась угадать по шагам, с какой стороны появится, и подтягивала ноги всё теснее. Когда замер совсем рядом, в голове осталось одно: не кашлянуть. Пыль лезла в нос, и это оказалось труднее, чем сидеть неподвижно.

— Вставай, — приказал он Максиму.

Тот сонно потянулся, открывая глаза.

— Артур? Что происходит?

— Ничего особенного. Просто проверял, не потерялся ли ценный кадр. — Артур протянул руку. — Отдай.

Максим вздрогнул, доставая флешку из кармана. Артур забрал её, повертел в пальцах и сунул в свой внутренний карман.

— Записи с камер теперь у меня, — сказал он, не повышая голоса. Затем он перевел взгляд на место, где пряталась я. Я замерла, не дыша.

Над краем рояля появилось его лицо. Он смотрел прямо в меня. Всё, кончилось — можно хотя бы перестать сдерживать дыхание. Я вдохнула резко, и он сразу заметил.

— Вылезай, Лера. Хватит играть в партизан.

Вылезать пришлось на коленях, иначе ударилась бы о корпус. Максим сел, стянув куртку с головы, и посмотрел на меня. Я отвела глаза: не из-за него, а потому что Артур стоял рядом и видел, кому я обрадовалась.

— Голод учит быстрее, чем слова, — заметил Артур, бросая мне на пол половину недоеденного бутерброда Максима. — Ешь. Тебе понадобятся силы.

На бутерброде лежала пыль. Я смотрела на него, потом на Артура; очень хотелось, чтобы он сам поднял и убрал его. Вместо этого он подошёл ближе, перекрыв мне Максима. Табачным дымом от его одежды пахло сильнее, чем хлебом. Есть больше не хотелось, хотя желудок всё ещё болел.

— Ты думаешь, я хочу, чтобы ты умерла от истощения? — спросил он почти нежно.

Я потянулась вниз за хлебом, и он поймал мою ладонь. Попыталась убрать его руку, но почувствовала в пальцах что-то маленькое, металлическое. Ключ. Сжала его, чтобы не звякнул. Артур держал меня за руку ещё секунду, проверяя, поняла ли я. Максим этого движения не видел: его закрывал корпус рояля.

— Старый ключ от чердака общежития, — прошептал он одними губами, так тихо, что никто, кроме меня, не мог расслышать. — Захочешь спрятаться — найдёшь, где. Но помни: я вижу всё. Каждый твой шаг. Каждую ошибку.

Он отступил, и только тогда я спрятала кулак за спину. Артур улыбнулся, как будто сейчас накормил меня, а не бросил хлеб на пыльный пол. Ему, видно, было важно получить именно такое лицо — благодарное. Я смотрела на его галстук, пока он не договорил.

— Приятного аппетита, Соболева.

Дверь за ним хлопнула. Я подождала щелчка ключа, но он не последовал. Максим уже был у ручки; дёрнул осторожно и показал мне рукой, что она движется. Мне ещё казалось, что это какая-то проверка Артура: выпусти сейчас, поймай за порогом.

Я стояла посреди сцены, сжимая ключ. После бутерброда уже не тошнило от голода. Теперь можно было идти за Максимом, не ждать, пока появится ещё кто-нибудь.

— Пошли, пока не передумал.

Я спрятала ключ и пошла за Максимом. Чердак, который предложил Артур, я проверять не собиралась. Он слишком легко раздавал убежища, из которых потом нельзя выйти.

Глава 6

Свою фамилию в экзаменационном списке я проверила дважды. Громов оставил меня: распоряжение ректора было устным, отстранить окончательно ещё не успели. Папку по гармонии прижимала так, что загнулся угол. Хотя бы здесь меня пока должны спросить о нотах. Я знаю ответы. Когда думаю так, получается перестать следить за каждым, кто идёт мимо.

Ева отошла от расписания и направилась ко мне. Я подвинулась, но она всё равно задела сумку подолом бордового платья. Папка выскользнула, листы разошлись по полу. Один уехал под ноги первокурснику. Он притормозил и замер, ожидая, что я полезу за бумагой сама. Ева уже приседала рядом — вовсе не помогать.

— Ой, прости, Соболева, — Ева говорила достаточно громко, чтобы слышали у расписания. Она присела, но не помогла собрать бумаги. Вместо этого её пальцы коснулись моего плеча, оставляя холодный след. — Твои руки дрожат. Это признак совести или слабости? Или ты просто боишься, что твоя «гениальность» окажется дешевой подделкой?

Я собирала конспект с пола. На одном листе остался след туфли, на другом порвался край. Ева ждала, что я посмотрю на неё, и говорила всё ближе к моему уху. Я не поднимала головы, пока не собрала последнюю страницу. Когда наконец встала, она ушла. Вокруг оставалось несколько студентов. Смотреть на меня им сразу стало незачем, без скандала неинтересно. Проверила номера листов: всё на месте, можно ещё отвечать.

У Громова плотно задвинули портьеры. После коридора глаза не сразу привыкли, и я искала свободный стул на ощупь. Профессор стоял возле доски с журналом; очки сползли к кончику носа. Я надеялась, что он не станет поднимать голову, пока я сяду.

— Список вызываемых для устного ответа, — произнес он, не поднимая глаз от журнала.

Третью ночь толком не спала. Перед экзаменом перечитывала одну строчку, возвращаясь к началу и не помнила, что прочла. Сейчас хотя бы не нужно читать. Интервал услышу. Только пусть сначала дадут звук, а не начнут спрашивать, почему у меня такой вид.

— Соболева. К доске.

Стул скрипнул, когда я встала. Кто-то сзади хмыкнул; я пошла к доске, стараясь не поправлять рубашку на каждом шаге. У трибуны нужно было остановиться и ждать задания. Самым трудным пока оказалось именно это — стоять перед Громовым и не объяснять ничего заранее.

— Разберем аккорд на слух, — сказал он. Чистый тон рояля ударил мне в виски. — Терция большая или малая?

Я закрыла глаза, вслушиваясь в вибрацию струн. Малая. Чисто. — Малая, — ответила я.

Следующий аккорд оказался сложнее. Я назвала обращение, и Громов сразу дал ещё один, не сказав, правильно ли. На третьем задержалась. Знала его, точно знала — он был в конспекте на испачканном листе. Пока вспоминала название, профессор убрал руки с клавиатуры и посмотрел на меня поверх очков.

В третьем ряду кашлянули. Артур держал партитуру раскрытой, но смотрел на меня. Я отвернулась сразу: это мог быть обычный кашель, а я уже искала в нём подсказку, как испугаться. Он кашлянул повторно, дожидаясь, пока я снова подниму голову. Партитуру при этом даже не перевернул.

Он здесь не как зритель. Он соучастник этой проверки. Я снова вслушалась в аккорд. Артур кашлянул ещё раз, но теперь я досчитала ступени про себя и ответила, не поворачиваясь к нему. Пускай кашляет. Ответ знает Громов, и я тоже его знаю.

В перерыв я выбралась раньше остальных и пошла умыться. В туалете можно хотя бы запереться на минуту. Вода, зеркало, никому не надо отвечать. Это казалось почти роскошью после экзамена.

Две младшекурсницы ждали у двери. Одну я помнила по занятиям, у другой не знала даже имени. Обе отодвинулись, пропуская меня к раковине, а потом встали у выхода рядом. Я увидела это в зеркале раньше, чем они заговорили.

— Мы слышали, — начала одна, поправляя юбку. — Ты крадешь чужие идеи. У Евы. Ты позоришь наш курс.

— Прочь с дороги, — сказала я тихо.

— Признайся! — вторая шагнула ближе, толкнув меня плечом. Я отшатнулась к раковине, холод фарфора обжег поясницу. — Скажи всем, что ты плагиаторка!

Я держалась за край раковины, пока за дверью не звякнули ключи дежурного. Нужно было заставить его остановиться. Протиснулась между девушками к двери и несколько раз ударила ладонью по полотну. — Охрана! Откройте!

— Что тут происходит?! — голос дежурного охранника прогремел в коридоре.

Они отошли от двери сразу после голоса охранника. Одна сказала другой: «Пошли», как будто я их задерживала. Я вышла следом, не отвечая, хотя очень хотелось крикнуть ему, кто тут начал. Но он смотрел на мою красную ладонь. В следующий раз расскажут, что я кинулась на них. Нужно было хотя бы не давать повода сейчас.

На практической части нам велели писать про авторство в музыке. Я устроила конспект под листом — не списывать, просто чтобы рука не касалась липкого стола. Через ряд Ева открыла сумку. Из неё упал мой старый блокнот, раскрытый кверху. Она оставила его лежать так, чтобы я успела увидеть.

Сквозняк из форточки перевернул лист. Заголовок был написан моим почерком: «Этюд №4. Черновик. Крадено у Корольковой».

Кто-то добрался до моего шкафчика, пока я сидела в запертом зале. На странице знакомые такты, но я бы никогда не подписала их «Крадено». Громов обходил ряды. Если сейчас вскочу, он увидит только, как я хватаю вещи Евы. Я прижала лист к столу и заставила себя прочитать тему эссе ещё раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.